

Э. М. СПИРОВА

**Идолы сознания
на пути
к пониманию**

Размышляя над современными стратегиями образования, проф. И. М. Ильинский выдвинул важную категорию — «понимание». Обучение не может сводиться только к передаче информации. Главный критерий образования обнаруживается в том, насколько глубоко усвоен, понят и осмыслен предложенный материал. Понимание — это универсальная операция мышления, которая выражает глубину погружения в текст или устную речь. Оно предполагает не только усвоение нового содержания, но и включение его в систему усвоенных идей и представлений. Как и объяснение, понимание обыденно и массовидно, и только свернутый характер этой операции внушает обманчивое представление, что оно встречается редко и требует особой проницательности.

До сих пор распространена точка зрения, что пониматься может только текст, надленный определенным смыслом: понять означает раскрыть смысл, вложенный в текст его автором. Очевидно, что это очень узкий подход. Можно говорить о понимании не только написанного или сказанного, но и понимании действий человека, его переживаний. Понятными или непонятными, требующими размышления и истолкования могут быть поступки, как наши собственные, так и других людей. Пониматься может и неживая природа: в числе ее явлений всегда есть не совсем понятные, а то и просто непонятные для современной науки.

Сознание отражает реальность. Человеческий разум ведет нас за собой. Однако мы не знаем, можем ли мы пробиться сквозь высокие облака, скрывающие от наших глаз тайны иного мира. Всесильно ли наше сознание? Есть ли у него пределы? Ставя эти вопросы, мы попадаем в чрезвычайно интерес-

ную ситуацию. Обратите внимание, наше сознание, средство, которое помогает нам познавать мир, само

становится объектом нашей критики. Мы как бы чуть-чуть отодвигаем от себя этот дар и с его же помощью начинаем размышлять о собственном сознании. Разум направляется на разум и пытается понять самого себя.

И первое, что встречает здесь разум, — это заблуждения, ошибки разума. Откуда они? Что мешает ясной работе ума? Размышляя над природой сознания, английский философ Фрэнсис Бэкон пришел к выводу, что разум постоянно преодолевает некие помехи. Он назвал их идолами сознания. Человек, по мысли философа, должен отказаться от предрассудков и ложных представлений. Единственно надежным источником познания, считал он, является опыт — наблюдение и эксперимент (Бэкон 1972: 18–19).

Подход Бэкона к превратным представлениям («идолам»), которые совлекают человека на путь искаженного видения реальности, можно назвать познавательно-психологическим, ибо он исследует психологические причины коллективного «ослепления», ошибок и обмана. Понимание рассматривалось английским мыслителем не как «чистый» процесс, лишенный противоречий и конфликтов; напротив, Бэкон привлек внимание философов к анализу искажений и парадоксов, присущих этому феномену.

Существует ли на самом деле такой схематизм мышления? Конечно, индивид, сталкиваясь с новыми явлениями, не всегда способен развернуть последовательную аналитическую работу по оценке реальности и зачастую мыслит по аналогии, в соответствии с уже известными трафаретами. В индивидуальной жизни человека, в ходе социализации, производственно-трудовой деятель-

ности вырабатываются определенные жизненные позиции, познавательные критерии, позволяющие человеку ориентироваться в окружающем мире.

Нет сомнений и в том, что на понимание сообщений оказывают воздействие «биоморфные представления», то есть условия биологической жизни индивида; «социоморфные представления», то есть осмысление социальной действительности, общественных связей; «техноморфные представления», то есть навыки, возникающие в производственной деятельности. Но, во-первых, все эти факторы не равнозначны, не рядоположены, как утверждает Э. Топич (Топич 1970: 8). Во-вторых, они вовсе не выступают как выражение неизменной человеческой природы, их содержание обусловлено социально-исторической практикой людей, в ходе которого закрепляются результаты понимания. В-третьих, Бэкон вовсе не рассматривал «идолы» сознания как такие предрассудки, которые полностью вытесняют аналитическую работу ума. Он говорит о заблуждениях лишь как о помехах познания, а не как о факторах, замещающих все формы сознательной жизни.

Бэкону принадлежит впечатляющая типология человеческих предрассудков, которые препятствуют правильному познанию. В «Новом Органоне» он развернул панораму борьбы разума и предрассудков, стремясь доказать, что последние мешают интеллекту, затемняя его обыденными «мнениями», привычными схемами. Разоблачая предрассудки как «идолы сознания», Бэкон надеялся таким образом содействовать очищению разума, что, по его мнению, в конечном счете улучшит человеческие контакты, будет способствовать взаимопониманию людей.

Сначала обратим внимание на тот факт, что Бэкон связывает идылы сознания («призраки сознания») с простыми обозначениями, с привычными человеческими образами. Он выделяет «идолы рода», «идолы пещеры», «идолы площади» и «идолы театра». Конечно, все это требует пояснений. Про пещеру, мы помним, писал еще Платон. Но при чем тут площадь или театр? Часть заблуж-

дений, по мнению английского философа, вызвана теми особенностями ума, которые свойственны отдельным группам ученых и даже отдельным лицам («идолы пещеры»). Некоторые предрассудки порождены несовершенством и неточностями языка («идолы площади или рынка»), а некоторые — некритическим усвоением чужих мнений («идолы театра или теорий»).

Таким образом, по Бэкону, интеллект надлежит очистить, освободить от различных заблуждений, множество которых, как он полагал, вполне поддается классификации. «Идолы рода» — это, вообще говоря, особенности разума, как он дан каждому человеку и людскому роду в целом. Наша мысль обладает свойством придавать реальности те черты, которыми на самом деле она не обладает. В процессе познания одна мысль вытекает из другой. Они взаимосвязаны. Мы приписываем миру вещей порядок и единообразие, которых он на самом деле лишен. Окружающий нас мир разорван и обладает множеством разноречивых определений.

Таким образом, Бэкон подчеркивает, что в процессе познания человеческий разум примешивает к сущности вещей свою собственную природу. Вот, скажем, мы налили молоко в блюдечко и предложили его кошке. Мурка с удовольствием вылизала посуду и, неожиданно фыркнув, сделала лапкой некий пренебрежительный жест. «Ишь какая, — возмущаемся мы, — ей, видите ли, не нравится...». Однако мы не знаем, что на кошачьем языке означает этот самый жест. Может быть, он выражает предельную удовлетворенность. Но мы-то оцениваем его по человеческим меркам. Никто из нас никогда не был кошкой.

Каждое животное создает вокруг себя собственный мир. Собака — собачий, муха — мушиный, пчела — пчелиный, человек — человеческий. Но мы, познавая мир, не можем оценивать его глазами собаки или мухи. У нас собственный, человеческий взгляд на все. При этом мы исходим из ложного убеждения, будто это и есть верный

взгляд на мир. Свежий пример из судебной практики. Если собака напала на человека и искусала его, ее обычно усыпляют или убивают: пусть не проявляет своей агрессивности. И вот недавно хозяин такой враждебной твари предстал перед судом. Ему грозил штраф, а его верному другу — смертный приговор. Но тут поднялся адвокат, который убедительно доказал суду, что собака не виновата. Сама природа предопределила ей лаять и кусаться. Для нее нет человеческих законов. Она действует так, как ей подсказывает природа. Вправе ли человек наказывать собаку за то, что она не соблюдает человеческие нормы? Ведь это все равно как если бы мы стали уговаривать ядовитую змею не вырабатывать яд... Толку-то что?..

Немецко-американский философ Эрих Фромм тоже приводит в своей книге «Анатомия человеческой деструктивности» интересный пример. Он рассуждает о том, что в природе вообще феномен хищников не является преобладающим. Плотоядный убивает свою жертву. Но он ее не мучает. Природа не предусмотрела мучительной казни среди животных. Тут, разумеется, каждый может возразить: а кошка? Ведь это она, поймав мышонка, слегка его придушит, потом начинает терзать жертву. Какие злорадные чувства питают ее поступки? Фромм отвечает: кошка вовсе не понимает, что мучает несчастного. Так кажется человеку, потому что он переносит свое понимание на кошачье. Это легко доказать, если покрутить перед носом кошки обычным фантиком. Она будет поступать, точно так же как с мышкой. Кошка не казнит, она играет... (Фромм 1984: 14).

Фромм, приведя этот пример, фактически подходит к сознанию человека критически. Иначе говоря, он пытается освободить человеческий разум от «идолов рода». Человек воспринимает все на свете по аналогии с собой, обществом или техникой. Когда античные греки пытались представить себе, как выглядят боги Олимпа, они придали им человеческие черты. Когда мыслители

размышляли о природе, они искали в ней те же законы, которые управляют обществом. Нам понятен созданный нами мир техники. Но мы нередко полагаем, что в мире людей возможны те же порядки, что и в машинном мире.

Второй вид предрассудков, о которых писал Бэкон, «идолы пещеры», еще более усложняют постижение истины. Платон представил себе человека, который повернут в пещере к стене. Тени внешнего мира он воспринимает как реальность. Развивая этот образ, можно сказать, что каждый человек видит мир из своего собственного грота. Ведь индивид занимает в обществе какое-то положение. Он связан с конкретными социальными, политическими, профессиональными интересами.

Человек — мыслящее создание. Казалось бы, он способен осознать ограниченность своих собственных представлений. Но в реальности оказывается все намного сложнее. Например, родители хотят счастья для своих детей. Они дают им определенные советы, многие из которых, наверное, важны. Но порою родители не могут отделаться от тех представлений, которые преобладали во времена их детства или юности. Между тем жизнь стала другой. Родилось новое поколение, которое воспринимает реальность совсем по-другому.

Человек как бы заперт в пещере собственной индивидуальности, он судит об остальном мире лишь со своей личной точки зрения, «со своей колокольни», как говорит русская поговорка. Эти заблуждения имеют отношение к индивидуальным особенностям восприятия, обусловленным той атмосферой, в которой живет человек, ибо у каждого есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Индивид имеет лишь ему одному присущие способности, навыки, которые порождают специфический тип восприятия реальности.

Приведу пример из книги П. С. Гуревича: «Однажды я читал лекцию студентам. По ходу беседы я коснулся темы сталинских репрессий. Десятки миллионов людей погибли

в лагерях, пыточных подвалах, расстрельных камерах. Это связано с судьбой моего поколения. Я знаю это не по чужим рассказам. Поэтому у меня есть к сталинскому режиму выстраданное отношение. Но одна студентка неожиданно спросила меня: «Павел Семенович, неужели вы верите в то, что уничтожено столько людей?» Я, признаться, опешил: что значит верю или не верю, для меня это не чужие рассказы, а часть моей собственной жизни.

Своей студентке я сказал: «Если вас не убеждают фотографии кладбищ, где похоронены люди с пробитыми затылками, я вряд ли могу вам чем-то помочь». Конечно, я не стану строго судить свою ученицу. Она родилась совсем в другое время. События жизни нашего поколения кажутся ей далекими» (Гуревич 2004: 74).

В обществе нередко происходят сложные коллизии, возникают опасные противостояния. Все это результат не критического отношения к сознанию, неумение очистить его от «идолов пещеры».

Замечательно, что Бэкон обратил внимание на разность человеческих представлений. Прошли столетия, и мы еще больше убедились в том, что ошибки разума часто происходят из очевидного факта: люди не могут преодолеть собственные иллюзии. Им мешает многое — принадлежность к той или иной социальной группе, особенности индивидуального психологического склада, жизненный опыт. Человеческие интересы заставляют людей вносить исправления в, казалось бы, ясные свидетельства ума.

Философская экспертиза Бэкона не пропала даром. Теперь не только философы, но и социологи изучают мнение, ценности, жизненные и практические установки социальных групп. Появились разного рода дисциплины, позволяющие проследить, как формируются взгляды людей, как они меняются, от чего зависит преобразование этих воззрений. Мыслители XVIII века ошибались, когда утверждали, что король и свинопас могут думать одинаково благодаря разуму. Сознание раскрывает себя по-разному.

Люди оценивают реальность не сходно. Однако они не живут в собственных пещерах. Каждый пытается понять другого, наладить с ним общение. Но помехи сознания возникают именно на путях поиска взаимопонимания. Я уже отмечала, что, когда люди спорят, огромную роль играют слова. Стоит употребить неточное слово, и контакт разрушится. Возникнет недоразумение. Приведем такой пример. Самолеты прилетели и стали бомбить город, естественно, по бомбометам открыли огонь... Казалось бы, ясная ситуация, прозрачный смысл. Но вот чешский писатель Ярослав Гашек раскрыл этот эпизод сатирической фразой, взятой из газеты: «Вчера вражеская артиллерия зверски обстреляла наши самолеты, которые мирно бомбили их города...» (Гашек 1984: 56). Язык рождает разные ассоциации.

Когда люди общаются между собой, они, естественно, прибегают к сложившимся, обиходным выражениям. Но содержание контакта всегда богаче, чем его словесное выражение. Однажды молодой человек подошел к «всесоюзному старосте» М. И. Калинину и спросил: «Как мне быть, я так люблю свою девушку, что и слов нет?..». На это Михаил Иванович ответил: «Если любишь, надо найти слова...». Любовь, когда она есть, богаче, чем само признание в этом чувстве. Иначе поэты мира не мучились бы в поисках таких важных, нестертых слов для выражения любви.

У каждого человека есть сознание. Но оно откликается на сознание другого индивида по-своему. Если вы хотите, чтобы собеседник понял вас правильно, тщательно подбирайте слова. Каждое слово многозначно. Сравните для примера. Можно сказать: «Вы лжете». Есть и другой вариант: «Вы уклонились от истины». Содержание вроде бы одно и то же, а выражения совсем даже не одинаковые. Неправильно употребленное слово мешает осмыслению предмета, затуманивает мысль. Не случайно в нашем столетии возникло особое философское направление — аналитическая философия. Оно выступило за «лингвистический поворот», т. е. за пере-

вод философских проблем в сферу языка и решение их на основе анализа языковых средств.

Несомненно, абсолютизация своей точки зрения — напасть большая, как и неумение выразить свою мысль. Но не лучше, когда человек и вовсе не имеет своего мнения, а, выражая мысль, прибегает к шаблонам и газетным клише. Идолы театра или теорий, по Бэкону, отражают тот несомненный факт, что наше сознание нередко передоверяет свою позицию авторитетам, уже сложившимся системам мышления. Мы способны недоверчиво относиться к собственному разуму, если его показания противоречат каким-то кумирам, утвердившимся взглядам. Поэт М. В. Исаковский написал, например, такие строчки, обращенные к Сталину: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе...» (Исаковский 1971: 3). Да, люди склонны вести себя не по собственному уму, а по заветам политического вождя. Об этом и говорит Ф. Бэкон.

Когда человек является в этот мир, он застаёт уже множество философских систем, научных теорий, авторитетных заявлений вождей и других кумиров. На то и дано человеку сознание, чтобы все это узнать, пропустить через собственное мышление. Однако надо обладать, по-видимому, недюжинным умом, чтобы переосмыслить все это творчески. Приходится многое принимать на веру, слепо. Но в этом случае нетрудно принять предрассудок за истину.

«Вымыслам этого театра, — писал Бэкон, — свойственно то же, что бывает и в театрах поэтов, где рассказы, придуманные для сцены, более слаженны и красивы и скорее способны удовлетворить желания каждого, нежели правдивые рассказы из истории» (Бэкон 1972: 28).

Подобно тому, как театральные пьесы, по Бэкону, пользуются у публики несравненно большей популярностью, чем действительные исторические события, в теории также обнаруживается стремление следовать не подлинной логике, а различным вымыслам. Причем английский философ пре-

дупреждал: особенно мешает нашему созиданию традиционный консерватизм. Он писал: «Разум человека все привлекает для поддержки и согласия с тем, что он однажды принял, — потому ли, что это предмет общей веры, или потому, что это ему нравится. Как бы ни были сила и число фактов, свидетельствующих о противном, разум или не замечает их, или пренебрегает ими, или отводит и отвергает их посредством различий с большим и пагубным предубеждением, чтобы достоверность тех прежних заключений осталась ненарушенной» (Бэкон 1972: 21).

Итак, многие трудности познания Бэкон связывал с «идолами сознания», препятствующими нормальному пониманию. «Идолы и ложные понятия, которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нем укоренились, — писал он, — так владеют умом людей, что затрудняют вход истине, но, если даже вход ей будет дозволен и предоставлен, они снова преградят путь при самом обновлении наук и будут ей препятствовать, если только люди, предостереженные, не вооружаются против них, насколько возможно» (Бэкон 1972: 18).

Предрассудки разного рода уже так пленили человеческий разум и глубоко в нем закрепились, так владеют умами людей, что затрудняют поиск истины. После Бэкона философы многократно убеждались в том, что познание мира — сложный процесс преодоления иллюзий, всяческих суеверий, помех. Оказалось, что мышление человека многомерно. Оно способно не только прорываться к истине, но и создавать иллюзии. И вот что еще поразительно. Типология «идолов сознания», предложенная Бэконом, оказалась в известной мере исчерпывающей. За три столетия никакой иной, более развернутой классификации «призраков сознания» философы не придумали. Исследовательская работа идет вокруг той карты предрассудков, которую нарисовал английский философ.

Мыслители XVIII века полагали, что сознание человека предельно прозрачно,

а процесс мышления реализуется без всяких помех. Если логически доказана некая истина, она оказывается приемлемой для всех. На то и дан человеку разум, чтобы откликаться на зов ума. Мышление понималось как чистый процесс продвижения к ясному и всеобщему представлению. За минувших три столетия картина резко изменилась. Оказалось, что сознание реализует себя не просто, а преодолевая внутренние коллизии разума. Истина нередко сплетается с пред-
рассудком.

Однако теория познания стала гораздо драматичней, после того как был открыт феномен бессознательного. Еще в античной философии существовали догадки о том, что

человеческая психика, то есть внутренний мир человека, богаче, обширнее сознания. Во многих душевных состояниях индивид не отдает себе отчета. В психике есть такие сферы, которые не охватываются мышлением одновременно и полностью. Многие поступки человека вообще не продиктованы разумом.

Лит.: Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. М., 1972. Т. 2.; Топич Э. Проблемы идеологии. М., 1970; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1984; Гуревич П. С. Философия: Учебник для психологов. М., 2004; Гашек Я. Рассказы. М., 1984; Исаковский М. Стихи и поэмы. М., 1971.